

СЕРИЯ «СВИДАНИЯ»

ПЛОХАЯ энергетика

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Плохая Энергетика

«Автор»

2026

Слоан Э.

Плохая Энергетика / Э. Слоан — «Автор», 2026

Руби Фокс умеет чувствовать плохую энергетику в домах. С мужчинами сложнее: она слишком долго убеждала себя, что тревожные сигналы ей просто мерещатся. После нескольких провальных свиданий новая работа приводит Руби в старый дом в Портленде, из которого покупатели почему-то хотят уйти как можно быстрее. Голубая комната, старые фотографии, спрятанная кассета и история, которую много лет пытались забыть. А еще Грэм, реставратор, который не объясняет Руби ее собственные чувства и не принимает решения за нее. И бывший, внезапно вернувшийся с красивыми словами и почти идеальным извинением. «Плохая энергетика» — романтическая комедия с тайной старого дома, неудачными свиданиями, женской дружбой, медленной романтикой и вопросом: что, если твоей интуиции все-таки стоило верить с самого начала?

© Слоан Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плохая энергетика	5
Глава 2. Дом, который никак не продавался	17
Глава 3. Он принес кристаллы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдди Слоан

Плохая Энергетика

Глава 1. Плохая энергетика

Руби Фокс поняла, что у этого свидания плохая энергетика, еще до того, как мужчина снял пальто.

Это было некстати, потому что Руби дала себе обещание. Причем письменно. В заметках телефона, под заголовком «ХВАТИТ СТРАННО ВЕСТИ СЕБЯ С МУЖЧИНАМИ».

Больше никаких дурных предчувствий в ресторанах. Никаких выводов по обуви, осанке и тому, как мужчина улыбается девушке у входа. Никакого мгновенного понимания, что следующие полтора часа придется делать вид, будто она ничего не замечает.

И уж точно никаких сообщений Маре из туалета через двенадцать минут после начала свидания.

В прошлый раз Руби написала:

«Комната его отвергает».

Мара ответила:

«Комнаты людей не отвергают. Это делаешь ты. Иногда совершенно правильно».

Руби не сочла это особенно поддерживающим. Точным, пожалуй. Но не поддерживающим.

Сегодня все должно было быть иначе. Сегодня Руби собиралась вести себя как открытая миру, уравновешенная и совершенно нормальная женщина.

Мужчину звали Брендан.

Профиль у него был подозрительно приличный. Не настолько интересный, чтобы сразу насторожиться, и не настолько скучный, чтобы свидание заранее казалось наказанием. На третьей фотографии у него были добрые глаза, на четвертой — собака из приюта.

А в анкете стояло:

«Не боюсь говорить о чувствах. И все еще умею шутить».

Руби смотрела на эту фразу почти минуту.

Потом сделала скриншот и отправила Маре.

«Либо зеленый флаг, либо записка заложника. Иди, но сначала поешь».

Руби пошла.

Ресторан находился на Дивижн, между магазином растений с запотевшими окнами и крошечным винным баром, где все посетители, судя по лицам, либо влюблялись, либо объясняли друг другу, почему у них это никогда не получится.

У тротуара мокли велосипеды. Мимо прошел бородатый мужчина в темно-синей шапке, прижимая к груди бумажный пакет с едой так, словно нес человеческий орган.

Февральский Портленд умел придать эмоциональную сложность даже походу за ужином.

Внутри было тепло: кирпичные стены, темное дерево, мягкий желтый свет и меню, в котором о моркови рассказывали так, будто она только что вернулась с ретрита по поиску себя.

Пахло чесноком, мокрой шерстью и чем-то сливочным. настолько сливочным, что на пару секунд Руби поверила: этот вечер еще может спасти хлеб.

Она пришла на семь минут раньше, потому что примеряла на себя новую личность под названием «женщина, которая не придумывает проблемы до их появления».

На ней было зеленое винтажное платье, черные ботинки и круглые очки в черепаховой оправе. По дороге от машины очки трижды сползли с носа из-за того специфического портлендского дождя, который вроде бы еще не дождь, но уже явно имеет намерения.

Рыжие волосы приняли влажность как личное оскорбление.

Но перед выходом Руби понравилось собственное отражение. Зеленое платье, очки, рыжие волны. Вполне нормальная женщина, способная сходить на свидание и не искать эмоциональный подтекст в чужом шарфе.

И если маленькая, унизительно романтическая часть ее надеялась, что с Бренданом все окажется просто, вслух она этого не произносила.

Хотелось, чтобы он задавал вопросы и действительно слушал ответы. Чтобы смеялся, когда ему смешно. Чтобы после ужина проводил ее до машины под дождем и рядом с ним не приходилось все время гадать, правильно ли она себя ведет.

Надежда выглядела менее глупо, пока оставалась личным делом.

Потом вошел Брендан.

И что-то изменилось.

Никаких спецэффектов. Свечи не погасли, бокалы не треснули, девушка у входа не посмотрела на Руби и не прошептала: «Беги».

Все было гораздо тише.

В груди появилось легкое напряжение. Будто тело чуть отодвинулось назад раньше, чем Руби успела решить, есть ли для этого причина.

Брендан был привлекательным в том специфическом смысле, в каком часто бывают привлекательны мужчины из приложений: технически все на месте, доказательства прилагаются.

Хорошая линия подбородка. Дорогая стрижка. Чистое пальто. Лицо человека с платной подпиской на приложение для продуктивности.

Войдя, он остановился и оглядел ресторан.

Не искал Руби.

Оценивал помещение.

Вот оно.

Первое.

Руби тут же одернула себя.

Хватит.

Может, он просто ее ищет. Людям вообще-то разрешено смотреть по сторонам.

Он медленно снял пальто и протянул его девушке у входа с улыбкой, которая закончилась где-то раньше глаз.

— У вас есть гардероб?

Она моргнула.

— Нет, извините. Можете повесить пальто на крючок возле вашего столика.

Брендан посмотрел на крючок.

Крючок, надо отдать ему должное, не сделал ничего плохого.

— Понятно.

Где-то внутри Руби эта мелочь уже отправилась в специальную папку.

Нет.

Удалить.

Она сегодня открытая миру.

Брендан наконец заметил ее и улыбнулся.

— Руби?

— Да.

Она приподнялась со стула примерно наполовину и тут же пожалела. Вечная проблема первых встреч: ты уже продемонстрировала готовность к теплому приветствию, но еще не знаешь, перед тобой человек объятий, рукопожатий или мужчина, способный сделать неловким и то и другое.

Брендан изобразил поцелуй где-то рядом с ее щекой. Не поцелуй, но уже и не совсем безопасное расстояние.

— Рад познакомиться. Ты выглядишь точно как на фотографиях.

Руби улыбнулась.

— Спасибо?

— Я в хорошем смысле.

— Отлично.

— Некоторые воспринимают иначе.

— Понятно.

Они сели.

Руби отпила воды, в основном чтобы занять рот чем-нибудь, кроме комментариев.

Брендан снова осмотрелся.

— Интересное место.

Руби давно выяснила: если мужчина произносит слово «интересное» в первые пять минут, обычно он сейчас что-нибудь раскритикует, но хотел бы получить баллы за деликатность.

— Один из моих любимых ресторанов.

— А. — Он посмотрел на светильники. — Концепция хорошая. Реализация немного растерянная.

В голове Руби открылась маленькая дверь.

За ней стояла Мара и говорила:

«Уходи».

Руби мысленно захлопнула дверь.

— Мне нравится растерянная реализация. В ней есть честность.

Брендан засмеялся, похоже, потому, что понял: здесь полагалось смеяться.

Подошла официантка. Серебряные серьги-кольца, усталая улыбка и спокойная настороженность человека, который за сегодняшний вечер уже пережил нескольких мужчин с мнением о меню.

— Добрый вечер. Что-нибудь выпить для начала?

Руби открыла рот, но Брендан успел первым:

— Какое у вас самое сухое белое?

Официантка назвала вино.

— Насколько сухое?

Руби посмотрела на стол.

Небольшой деревянный столик. Свеча. Маленькая вазочка с тремя желтыми цветами. Живая текстура дерева, легкое покачивание, ничего нарочитого.

Руби занималась хоум-стейджингом: готовила дома к продаже и большую часть рабочего времени проводила, убеждая пустые комнаты выглядеть так, будто в них кто-нибудь мог бы быть счастливым.

Она почти сразу понимала, уютно в помещении или нет.

Здесь было уютно.

Официантка тоже была приятной.

Даже свеча старалась.

Брендан не очень.

Официантка объяснила про вино.

Он слушал ее с выражением человека, которому дают неудовлетворительные показания в суде.

— А оранжевое?

— Довольно необычное.

— Насколько?

Руби сжала губы.

— Очень, — сказала официантка.

Брендан медленно кивнул.

— Иногда мне кажется, что некоторые места маскируют словом «необычное» отсутствие баланса.

Улыбка официантки выжила исключительно благодаря профессиональной подготовке.

Руби чуть отодвинулась от стола.

Хватит.

Вот в этом и была ее проблема.

Она всегда замечала слишком много.

В детстве Руби понимала, что родители поссорились, еще до первого слова. Достаточно было увидеть, как мать моет кружку.

В колледже она безошибочно определяла, какая подруга сейчас расплатится за бранчем, по тому, как та рвала салфетку.

На работе могла войти в дом и почти сразу почувствовать, переезжают хозяева потому, что хотят начать что-то новое, или потому, что потеряли что-то старое.

Когда это было удобно окружающим, способность называли интуицией.

Когда становилось неудобно — чрезмерной чувствительностью.

Брендан наконец выбрал вино после еще одного вопроса о кислотности, от которого левый глаз официантки, кажется, утратил последнюю веру в человечество.

Руби заказала пино-гри.

Из уважения к людям, работающим с посетителями.

— Так, — сказал Брендан, устраиваясь удобнее. — Хоум-стейджинг. Интересно.

Опять.

Руби улыбнулась.

— Вообще-то да. Я готовлю дома к продаже. Мебель, расстановка, цвета, детали. Нужно сделать так, чтобы человек вошел и сразу смог представить там свою жизнь.

— Понятно. То есть эмоциональный маркетинг.

Он не совсем ошибался. Просто прозвучало так, будто работа Руби состояла в том, чтобы с помощью ламп заставлять семьи переплачивать за недвижимость.

— В каком-то смысле любой дом продается через эмоции. Люди покупают не только стены. Они покупают возможность представить, как будут в них жить.

Брендан впервые действительно на нее посмотрел.

— Именно. Иногда люди покупают дом потому, что надеются: там у них получится стать другой версией себя. Получше.

Черт.

Это было неплохо.

Более того, было очень близко к тому, во что верила сама Руби.

На секунду она расслабилась. Свет свечи лег на лицо Брендана, и ей вдруг стало легко представить другую версию этого вечера.

Может, его точность была не осуждением, а внимательностью. Может, вопросы означали, что он слушает. Может, она действительно слишком быстро настораживалась.

Вот чем были опасны почти хорошие свидания.

Одна удачная фраза могла купить мужчине еще двадцать минут.

— Да, — сказала Руби. — Примерно так.

Брендан улыбнулся.

— Я занимаюсь бренд-стратегией.

Разумеется.

Руби ничего не имела против бренд-стратегов. Она даже оформляла для них дома. У каждого были красивые керамические чашки и хотя бы один стул, на котором ни одному гостю не хотелось сидеть.

— Наверное, творческая работа.

— Иногда. В основном я помогаю людям понять, что они продают на самом деле.

— И что они обычно продают?

— Статус. Принадлежность. Облегчение. Секс. Безопасность. Чаще всего безопасность, которая притворяется чем-то другим.

И снова неплохо.

Это начинало раздражать.

— Мрачновато.

— Зато честно.

— Одно другому не мешает.

Брендан оживился.

— Правда? Интересно.

Руби почти физически почувствовала, как он помещает ее в мысленную категорию: творческая, умеет говорить, достаточно интересная для второго бокала вина.

Принесли напитки.

Руби поблагодарила официантку всем лицом.

Брендан покрутил бокал, понюхал вино и сумел выразить разочарование так, будто одновременно подвели виноград, ресторан и современное общество.

Руби сделала большой глоток.

— Итак, давно ты одна?

На первом свидании Руби предпочла бы множество других вопросов.

Есть ли у тебя братья и сестры?

Почему ты выбрала эту профессию?

Тебе тоже кажется подозрительным, когда мужчина говорит «я вообще очень простой человек», а через пять минут начинает доказывать обратное?

— Давно? — переспросила она.

— Мне нравится сразу понимать контекст.

— Контекст.

— Чтобы видеть закономерности.

Руби улыбнулась, потому что женщин каким-то древним проклятием приучили улыбаться в ситуациях, когда им стоило бы просто молча смотреть на мужчину, пока тот сам не догадается, что сказал что-то странное.

— Примерно год.

— Последние отношения были серьезными?

Не прошло и десяти минут, а они уже заполняли эмоциональную анкету.

— Достаточно.

— Что случилось?

Он смотрел с любопытством, но без теплоты. Будто не знакомился с ней, а собирал информацию.

— Закончились.

Брендан кивнул так, словно получил подтверждение своей гипотезы.

— Мирно?

Руби вспомнила Тео.

Красивые кухни. Мягкие свитеры. Его привычку говорить тише каждый раз, когда она расстраивалась, будто спокойный голос автоматически делал его правым.

«Руби, не все вокруг знак».

«Ты слишком многое додумываешь».

«Я не могу постоянно отвечать за твою реакцию на то, чего вообще не имел в виду».

Нет.

«Мирно» было не тем словом.

— Просто закончились, — повторила она.

— Справедливо. Мои последние отношения закончились потому, что бывшая была зависима от конфликтов.

Пальцы Руби сами сильнее сжали бокал.

— Вот как.

— Она создавала проблемы там, где были всего лишь сложности.

Где-то внутри Руби маленькая Мара медленно поднялась со стула.

Брендан продолжил:

— Я не говорю, что сам был идеальным. Конечно нет. Никто не идеален. Но у меня очень высокий уровень саморефлексии.

Руби еще ни разу не встречала мужчину, который объявлял о высокой саморефлексии, а потом действительно ее демонстрировал.

Обычно она работала примерно как декоративные фрукты.

Выглядит убедительно.

Есть нельзя.

— Это хорошо.

— Я много над собой работал.

— Отлично.

— Терапия. Мужские группы. Некоторое время дыхательные практики, хотя у ведущего были проблемы со структурой.

— Наверное, тяжело.

— Был полный хаос.

— С дыханием такое случается.

Он улыбнулся.

Руби тоже.

И на пару секунд свидание почти стало веселым.

Не хорошим. Просто терпимым.

Но Руби умела работать с терпимым. Однажды ей пришлось готовить к продаже дом с горчичным ковровым покрытием и чучелом фазана. При правильном освещении можно смягчить почти что угодно.

Потом Брендан сказал:

— Ты производишь впечатление человека, который очень много чувствует.

Руби замерла.

Тео тоже говорил похожее.

Чувствительная. Слишком эмоциональная. Все слишком близко принимаешь.

Когда-то она тратила огромное количество сил, доказывая ему, что не пытается быть сложной.

Руби поправила очки.

— Смотря что ты имеешь в виду.

— В каком смысле?

— Это комплимент или предупреждение на упаковке?

Брендан рассмеялся.

Не тепло. Скорее оценил удачную формулировку.

— Мне нравится.

А Руби не понравилось, что ему понравилось.

Еду принесли раньше, чем она успела решить, пора ли идти в туалет писать Маре или остаться еще немного.

Они заказали несколько небольших блюд. Руби любила такой формат, а Брендан согласился после короткого объяснения, что общие тарелки «создают ложное ощущение близости».

Первой принесли морковь.

Поджаренную, блестящую, на взбитой фете, с фисташками и зеленью.

Руби потянулась за общей ложкой.

Брендан оказался быстрее.

— Давай я.

Он положил ей три морковки.

Три.

Потом положил себе остальное.

Руби посмотрела на свою тарелку.

Морковь выглядела неловко за всех присутствующих.

— Очень неплохо, — сказал Брендан, попробовав. — Хотя фисташки я бы убрал.

Руби еще даже не успела поесть.

— Правда?

— Они слишком стараются.

Руби посмотрела на фисташки.

Это были орехи.

— Тяжелая нынче жизнь у фисташек.

Брендан улыбнулся, не уловив смысл, но оценив тон.

— Ты смешная.

— Спасибо.

— Нет, правда. Освежает. Многие женщины в приложениях либо слишком серьезно относятся к себе, либо очень искусственно пытаются изображать оригинальность.

Руби положила вилку.

Бывают моменты, когда душа покидает тело не от потрясения, а от административной усталости.

Это был один из них.

— Многие женщины?

— Я просто говорю, что культура знакомств сейчас странная.

— Это правда.

— Люди не умеют быть собой.

Руби посмотрела на его три морковки, оцененное вино и пальто на крючке, который явно не прошел проверку.

— Аутентичность очень важна.

— Именно.

Принесли грибы на тосте.

Брендан попробовал и закрыл глаза.

Руби приготовилась.

— Уже лучше.

Грибы, к счастью, прошли аттестацию.

Руби ела. Голод оставался настоящим даже тогда, когда романтические перспективы переставали ими быть.

Следующие несколько минут Брендан рассказывал о работе.

И даже не ужасно.

Вот что усложняло ситуацию.

Он был умным. Иногда говорил интересные вещи. Хорошо выглядел в теплом свете.

Руби прекрасно понимала, как можно встречаться с таким мужчиной полгода и четыре месяца из этих шести объяснять подругам:

«Он не всегда такой».

Она это понимала, потому что когда-то сама была той подругой, которая всем объясняла. Не про Брендана.

Про Тео.

Тео не поправлял официантов. Он был куда тоньше.

Он бы сделал так, чтобы официантка почувствовала себя интересным человеком, а потом выбрал лучшее вино, не показывая, насколько для него это важно.

Тео понимал комнаты.

Понимал людей.

Поначалу он понимал Руби настолько хорошо, что она перепутала внимательное изучение с близостью.

Брендана было легче заметить.

С Тео понадобилось больше времени.

И от этой мысли внутри неприятно похолодело.

Возможно, дело было не в том, что Руби слишком чувствительная.

Возможно, иногда она просто слишком поздно себе верила.

— Руби?

Она моргнула.

— Извини?

— Я спросил, какие у тебя красные флаги.

Руби чуть не рассмеялась.

— Мои красные флаги?

— Да. Сейчас все об этом говорят. Мне кажется полезным обсуждать такие вещи напрямую.

— Ты хочешь, чтобы я перечислила?

— Конечно.

— Ты первый.

Брендан заметно обрадовался, будто она правильно выполнила упражнение из разработанного им курса.

— Плохая коммуникация. Позиция жертвы. Отсутствие амбиций. Чрезмерная эмоциональность. Бардак дома.

Как специалист по подготовке домов Руби почувствовала потребность защитить бардак.

Некоторые из самых прекрасных людей, которых она знала, жили рядом со стулом для одежды и шкафом со специями, у которых давно истек срок годности вместе с надеждой на порядок.

— Бардак?

— Как ты делаешь что-то одно, так ты делаешь все.

Руби слышала эту фразу от мужчин, у которых была одна вилка и ни одной нормальной простыни на резинке.

— Понятно.

— А у тебя?

Она отпила вина.

Можно было ответить честно.

Мужчины, называющие бывших сумасшедшими. Мужчины, использующие психологические термины вместо нормального разговора. Мужчины, заставляющие официантов сдавать экзамен. Мужчины, которые требуют откровенности, а потом сами решают, насколько правильно ты ее выразила.

Вместо этого Руби сказала:

— Список еще дорабатывается.

— Мудро.

— Нет. Просто боюсь судебных исков.

Он опять засмеялся.

На этот раз Руби тоже.

Стоило им один раз нормально рассмеяться вместе, и в голове уже появилось: может, она поспешила? Может, он просто нервничает?

Плохие свидания редко бывают настолько плохими, чтобы уйти оказалось легко.

Официантка вернулась.

— Что-нибудь еще?

Руби уже хотела сказать «нет», когда Брендан произнес:

— Возьмем пирог с оливковым маслом.

Руби повернулась к нему.

— Возьмем?

— У тебя в анкете написано, что ты любишь десерты.

— Люблю.

— Видишь? Я внимательный.

В этой фразе одновременно было столько всего не так, что ей понадобилась секунда.

Официантка посмотрела на Руби.

Совсем чуть-чуть.

Профессионально.

Но Руби заметила.

У женщин существовали целые системы экстренной связи через зрительный контакт.

— Вообще-то я не хочу, спасибо.

Брендан повернулся.

— Не хочешь десерт?

— Нет.

— Уверена? Не надо быть вежливой.

— Уверена.

Он посмотрел на нее на секунду дольше, чем следовало.

Потом улыбнулся.

— Конечно.

Официантка ушла.

Вокруг продолжал жить ресторан: тихие разговоры, звон приборов, дождь по окну, смех у бара. Такой смех, каким смеются люди на свидании, которое идет лучше этого.

За соседним столиком пара наклонилась друг к другу над пастой.

Женщина положила ладонь мужчине на запястье.

Он посмотрел на ее руку так, будто был рад, что она там оказалась.

Руби отвернулась.

Вот чего ей хотелось.

Не грандиозной страсти и не мужчины с безупречным словарем эмоциональной зрелости. Гораздо более простой вещи.

Чтобы рядом с кем-то не приходилось все время думать, правильно ли она сидит, говорит, чувствует и реагирует.

Брендан сложил салфетку.

— Можно я скажу честно?

Руби знала такое вступление.

Люди редко просят разрешения на честность, если следующая фраза не собирается сделать эту честность чужой проблемой.

— Тебе нужно разрешение?

Он улыбнулся.

— Ты закрытая.

Слово было знакомым.

Тео тоже любил подобные определения. Чувствительная. Сложная. Слишком эмоциональная.

Каждое по-своему сводилось к одному: проблема не в том, что происходило, а в том, как Руби на это реагировала.

— Правда?

— Немного. Я чувствую, что ты все время меня оцениваешь.

Руби едва удержалась, чтобы не поискать глазами скрытую камеру.

— Ты только что попросил перечислить красные флаги.

— Я пытаюсь вести настоящий разговор.

— Я тоже вполне настоящая и вполне здесь.

— Ты понимаешь, о чем я.

Он понизил голос.

Стало еще хуже.

— Мне кажется, иногда женщины говорят, что хотят эмоционально доступных мужчин, но когда рядом появляется мужчина с настоящей глубиной, они просто не знают, что с этим делать.

Руби несколько секунд смотрела на него.

Свеча между ними дрогнула, скорее всего от сквозняка. Хотя Руби уважала ее за попытку сбежать.

Мара наверняка нашла бы идеальный ответ.

Руби вместо этого взяла сумку.

Брендан моргнул.

— Ты уходишь?

— Да.

Что-то изменилось в его лице.

Совсем немного.

— Я сказал что-то не то?

Руби встала.

— Думаю, ты сказал несколько вещей именно так, как хотел.

— Это несправедливо.

— Меня устраивает.

Официантка материализовалась рядом словно ангел-хранитель с банковским терминалом.

— Раздельный счет?

Руби ее обожала.

— Да, пожалуйста.

Брендан коротко рассмеялся.

— Ничего себе.

Руби оплатила свое вино и половину еды.

Пока она подписывала чек, Брендан сказал:

— Вот именно это я имею в виду, когда говорю про чрезмерную эмоциональную реакцию.

На секунду вернулось старое желание объяснить. Смягчить ситуацию. Убедиться, что он понимает: она не устраивает сцену и не пытается его наказать.

Руби поправила очки.

— Нет. Это женщина уходит с ужина.

И вышла.

Пока они сидели внутри, мелкий дождь превратился в настоящий.

Он серебрился под фонарями, асфальт блестел, припаркованные машины расплывались в маленькие планеты.

Руби остановилась под навесом и вдохнула холодный воздух.

В груди все еще было тесно.

Волосы тут же увеличились в объеме раза в два.

Конечно.

Ничто так не возвращает женщину на землю, как попытка эффектно уйти в портлендскую сырость.

Она достала телефон.

От Брендана сообщений не было.

Хорошо.

От Мары было одно:

«Ты жива или мне ехать опознавать тело?»

Руби написала:

«Я ушла».

Три точки появились мгновенно.

«До десерта???»

Руби улыбнулась.

«Он заказал десерт на двоих после того, как я сказала, что не хочу».

Мара ответила:

«Пойду за лопатой».

Руби прислонилась к кирпичной стене и рассмеялась. Напряжение наконец начало отпус-
кать.

Мимо прошла женщина в желтом дождевике с крошечной собакой в ботинках.

Собака выглядела так, будто ненавидела обувь, погоду и, возможно, сам факт существо-
вания.

Руби прониклась уважением.

Телефон снова завибрировал.

«Энергетика была плохая?» — спросила Мара.

Руби посмотрела через окно ресторана.

Брендан все еще сидел за столом.

И ел пирог с оливковым маслом.

Один.

Медленно, с выражением человека, которого история однажды обязательно признает
неправильно понятым.

Он откусил еще кусок.

Потом подозвал официантку.

Наверное, собирался объяснить ей пирог.

В груди стало свободнее.

Ничего мистического не произошло.

Руби просто заметила ответ раньше, чем закончила убеждать себя в обратном.

Она написала:

«Плохая энергетика на свидании не теория. Это общественно полезная информация».

Мара отправила три черепа, сирену и следом:

«Отлично. Теперь домой, пока вселенная не прислала второго».

Руби убрала телефон и шагнула под дождь.

До машины она дошла с мокрыми ботинками, очками в каплях и волосами, которые к этому моменту превратились в отдельное погодное явление с карьерными амбициями.

Зато ей стало легче.

Она села за руль, но не сразу завела двигатель.

Дождь постукивал по лобовому стеклу.

Город светился вокруг размытыми неоновыми вывесками и отражениями на мокром асфальте. Люди спешили куда-то каждый по своим делам.

Самым неприятным в плохом свидании, с которого ушла раньше времени, был даже не сам уход.

А то, что происходило после.

Никакой следующей сцены.

Никакой квартиры, полной соседей, которые требуют рассказать все подробности. Никакого мужчины дома, который оторвется от телевизора и удивленно спросит:

«Уже?»

Никакой теплой руки, которая найдет ее ладонь между сиденьями машины.

Только квартира в Бакмане. Радиатор, который стучит во время дождя. Недосложенное белье на стуле. И чечевичный суп, приготовленный в воскресенье с оптимистичной уверенностью, будто наличие супа способно привести в порядок всю жизнь.

Руби построила жизнь, которая работала.

В основном.

У нее была работа, которую она любила. Лучшая подруга, готовая совершать за нее эмоциональные преступления. И достаточно независимости, чтобы уйти с плохого свидания до десерта.

Это было немало.

Только иногда ей все-таки не хватало человека, которому не нужно было бы объяснять себя с самого начала.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз не Мара.

Незнакомый номер.

Руби нахмурилась.

На одну нелепую секунду она решила, что Брендан каким-то образом нашел способ продолжить свидание дистанционно, что если и не нарушало закон, то точно нарушало его дух.

Но сообщение было другим.

«Здравствуйте, Руби. Это Клэр Донован, Alder & Moss Realty. Ваш контакт мне дала одна из наших клиенток. Простите за позднее сообщение, но у нас есть дом, который срочно нужно подготовить к продаже. Красивый старый дом в Ирвингтоне. Отличная основа, но совершенно невозможная энергетика. Никак не можем его продать. Вы могли бы посмотреть завтра?»

Руби прочитала сообщение дважды.

Потом еще раз.

Отличная основа.

Невозможная энергетика.

За окном дождь превращал город в акварель.

Руби откинулась на спинку сиденья.

— Ну конечно, — сказала она пустой машине.

Похоже, плохая энергетика на сегодня с ней еще не закончила.

Она просто сменила адрес.

Глава 2. Дом, который никак не продавался

К утру Руби решила, что дом, скорее всего, не населен призраками.

Она была разумной женщиной. У нее имелись рулетка, пятновыводитель на экстренный случай, привычка вовремя платить квартальные налоги и твердое правило не употреблять слово «призрак» до первой чашки кофе.

А вот формулировку «эмоционально подозрительный» она себе разрешила.

В семь двенадцать утра Клэр Донован из Alder & Moss Realty прислала адрес, код от сейфа с ключом, шесть фотографий из объявления и сообщение:

«На фотографиях он прекрасен. Вживую люди почему-то быстро уходят».

Руби прочитала его босиком на кухне, в старой футболке и вчерашнем кардигане, пока ждала, когда закипит чайник.

После ночного дождя Портленд все еще был мокрым. Окна квартиры запотели по краям, радиатор постукивал с настойчивостью пожилого родственника, которому есть что сказать. По улице проехал велосипедист в желтой куртке с мертвенно-сосредоточенным лицом человека, который однажды сделал велосипед частью своей личности и теперь уже не может передумать.

Руби открыла фотографии дома.

Он был великолепен.

В этом и состояла первая проблема.

С плохими домами легко. Они сразу показывают, что им нужно: краска, свет, немного уюта и поменьше искусственных лимонов в стеклянных вазах.

Руби умела исправить уродливое, смягчить холодное и даже превратить квартиру разведенного мужчины в место, куда женщина теоретически согласилась бы войти по собственной воле.

Но если красивый дом не продавался, приходилось искать причину.

Примерно как с привлекательным мужчиной, который вдруг делает странную паузу там, где нормальный человек ее не сделал бы.

Дом в Ирвингтоне построили в 1912 году. Большой дом в стиле крафтсман, с широкой верандой, глубокими карнизами, окнами с витражным стеклом и встроенными книжными шкафами, при виде которых риелторы начинали произносить слово «характер» тем же голосом, каким обычно говорят о младенцах и собаках из приюта.

Полы из теплого дуба. Лестница изгибалась ровно настолько, чтобы выглядеть дорогой, но не хвастаться этим.

Кухню обновили со вкусом людей, которые понимали, что белая прямоугольная плитка еще не личность, но все равно ее выбрали.

Такой дом должен был продаться за выходные.

Руби увеличила фотографию гостиной.

Нейтральный диван. Хороший ковер. Латунная лампа. Картина достаточно большая, чтобы намекнуть на бюджет. В углу фикус лировидный, причем живой, что всегда означало либо серьезное достижение, либо обман.

Придаться было не к чему.

И все-таки даже через экран возникало странное ощущение, будто в комнате кто-то задержал дыхание.

Руби положила телефон экраном вниз.

— Нет, — сказала она ему.

Телефон не извинился.

Чайник щелкнул.

Руби заварила чай, обожгла язык и посмотрела на свое отражение в темном кухонном окне.

Круглые очки. Рыжие волосы выбиваются из заколки. По лицу совершенно неясно, зачем она вообще ложилась спать.

От вчерашнего вечера осталось неприятное послевкусие.

Сам Брендан уже превращался в историю про мужчину и три контролируемые морковки. А вот некоторые его фразы зацепились за старое.

Слишком чувствительная.

Слишком много замечает.

Слишком остро реагирует.

Тео когда-то говорил почти то же самое.

Руби коснулась пальцами груди. Там все еще слегка тянуло, хотя уже не так сильно, как вчера.

Телефон завибрировал.

Мара.

«Как спалось нашей службе общественного оповещения?»

Руби написала:

«В десять смотрю дом. Возможно, плохая энергетика».

Ответ пришел сразу:

«Отлично. Может, будешь встречаться с домом? Звучит эмоционально доступнее».

Руби улыбнулась в чашку.

«Он не продается. Боится серьезных отношений».

«Классика».

Руби добавила:

«Ирвингтон. Старый красивый крафтсман. Покупатели заходят и быстро уходят».

Появились три точки.

«Руби».

«Что?»

«Не вступай в эмоциональные отношения с архитектурой хотя бы до обеда».

Руби снова посмотрела на фотографии.

Возможно, было уже поздно.

На самом деле интерес к дому объяснялся вполне практично.

Alder & Moss работали именно с теми объектами, которых Руби хотела больше: старые дома, приличные бюджеты, клиенты, любящие слово «наследие», когда речь шла в основном о цене.

Если Клэр останется довольна, это могло привести к новым, более серьезным заказам. И, возможно, к жизни, в которой ей не придется убеждать двадцатисемилетнего мужчину, что матрас на полу не становится минимализмом только потому, что он так его назвал.

Руби знала, что хорошо делает свою работу.

Но одного умения было мало. Клиент должен был еще выбрать именно ее.

Она оделась тщательно, потому что первое впечатление имело значение, а одежду контролировать намного проще, чем настроение.

Темные широкие джинсы. Кремовая блузка. Кардиган цвета ржавчины. Золотые серьги-кольца. Ботинки, способные пережить мокрый тротуар, пыльный пол и молчаливое осуждение риелторов.

Потом собрала рабочую сумку: обычная рулетка, лазерная, малярный скотч, блокнот, образцы тканей, портативный аккумулятор и протеиновый батончик.

Из жизненного опыта Руби вынесла две полезные вещи: голод делал ее драматичной, а мужчины редко улучшали ситуацию.

Перед выходом она ненадолго задержалась в гостиной.

Ее собственная квартира совершенно не походила на постановочную.

Люди почему-то ожидали, что дом специалиста по хоум-стейджингу должен выглядеть как статья «Десять способов добавить уюта, не разбираясь с детскими травмами».

Ничего подобного.

Квартира Руби выглядела любимой, но не отредактированной.

Книги лежали стопками на полу, потому что полки капитулировали. На зеленом бархатном кресле валялся свитер. На журнальном столике стояли три кружки, и уже трудно было объяснить, почему ни одна до сих пор не добралась до кухни.

Принт над диваном висел чуть криво. Руби повесила его так два года назад и теперь считала частью интерьера.

Это был ее дом.

Но после неудачных свиданий тишина в нем иногда становилась заметнее обычного.

Сегодня было именно такое утро.

Руби взяла ключи.

— Нет, — сказала она квартире.

И ушла.

Даже под серым небом Ирвингтон выглядел дорого.

Широкие мокрые улицы, старые деревья, ветви над дорогой. Казалось, они собирают соседские тайны с начала прошлого века и давно перестали ими впечатляться.

Дома стояли в глубине участков за аккуратными изгородями и зимними садами. Веранды крафтсманов, тюдоровские арки, розовые кусты, подрезанные почти до военной дисциплины.

В воздухе пахло мокрыми листьями, кедром и деньгами, которые предпочитали называться семейным наследием.

Руби припарковалась под кленом и дважды сверилась с адресом.

Дом стоял на углу.

Светло-серый фасад, белая отделка и красная входная дверь, которая по всем правилам должна была выглядеть жизнерадостно.

Не выглядела.

Широкая веранда. Красивые колонны. По обе стороны ступеней керамические кашпо с аккуратной зимней зеленью, собранной человеком, которому явно заплатили за оптимизм.

С тротуара дом казался идеальным.

Руби это не понравилось.

С вещами, которые выглядят идеально, но почему-то вызывают желание отступить на шаг, обычно больше всего работы.

Она вышла из машины, плотнее запахнула кардиган и остановилась у начала дорожки.

Дом не казался ни страшным, ни особенно печальным.

Он выглядел одиноким.

Так, будто очень красиво оделся на вечеринку, на которую никто не пришел.

Руби медленно выдохнула.

— Отлично, — пробормотала она. — Еще и ты.

Позади остановился черный внедорожник.

Из машины вышла Клэр Донован в пальто верблюжьего цвета и гладких сапогах. На лице была та особая улыбка, которую риелторы вырабатывают за годы попыток убедить людей, что дополнительные квадратные метры способны решить эмоциональные проблемы.

Светлые волосы лежали безупречно.

Но Клэр слишком быстро ткнула пальцем в экран телефона и дважды промахнулась мимо нужного значка.

Руби заметила.

Клэр нервничала.

— Руби? — окликнула она.

— Это я.

Клэр перешла улицу и протянула руку. От нее едва заметно пахло дорогими духами и кофе, выпитым слишком быстро.

— Спасибо огромное, что смогли приехать так срочно.

— Конечно.

— Я много хорошего о вас слышала. Квартира Бенсонов, верно? Та, с бетонными полами?

Руби кивнула.

— Ей не хватало мягкости.

— Ей не хватало чуда. Продалась за три дня.

— Хорошая основа.

Клэр посмотрела на дом.

— Здесь отличная основа.

Руби проследила за ее взглядом.

— И все-таки.

Профессиональная улыбка Клэр немного сдала позиции.

— И все-таки.

Хорошо.

Значит, Клэр тоже замечала проблему, даже если не могла ее объяснить.

Они пошли к дому.

— Владельцы выехали два месяца назад, — сказала Клэр. — Переехали в Денвер. Молодая семья, очень приятные люди. Перед продажей немного обновили дом, ничего серьезного. Цена адекватная. Фотографии хорошие. Район отличный. Просмотров было много.

— А предложений нет.

— Ни одного.

На веранде Клэр остановилась и неожиданно понизила голос.

— В интернете он всем нравится. Люди приезжают заинтересованные, заходят, начинают осмотр. А потом что-то меняется. Они замолкают и довольно быстро уходят. Одна женщина сказала, что не может представить своих детей спящими наверху.

Руби посмотрела на красную дверь.

— Что вы ей ответили?

— Что электрику полностью проверили.

Руби улыбнулась.

— Практично.

— Я продаю дома, а не чувства.

— Вы продаете и то и другое. Просто чувства нельзя вписать в описание объекта.

Клэр посмотрела на нее.

— Поэтому я вам и позвонила.

Щелкнул замок.

Клэр открыла дверь.

Руби показалось, будто дом вдохнул.

Конечно, это был просто холодный воздух, вышедший из помещения после открывшейся двери.

Наверное.

Внутри пахло лимонным чистящим средством, старым деревом и комнатами, которые слишком долго стояли закрытыми.

Сквозь витражные окна падал бледный свет.

Прямо перед ними поднималась лестница. Темное дерево, резной столб у основания, перила, отполированные руками людей, которые держались за них больше ста лет.

Руби переступила порог.

В груди стало теснее.

Но ощущение отличалось от вчерашнего.

Рядом с Бренданом ей хотелось уйти.

Здесь хотелось смотреть внимательнее.

Клэр наблюдала за ней.

— Ну?

Руби ничего не ответила и прошла в гостиную.

Комната должна была работать.

Оригинальный камин с темно-зеленой плиткой. Красивые встроенные шкафы. Окна выходят на восток и ловят весь утренний свет, который способен предложить пасмурный Портленд.

Кто-то уже подготовил ее к показам.

Нейтральный диван, два кресла, журнальный столик, ковер, картина, растение.

Все было правильно и совершенно безжизненно.

Руби терпеть не могла такие комнаты.

Интерьер никого не раздражал, но и остаться в нем не хотелось.

Она встала посреди ковра.

Формально мебель была развернута к камину. На деле кресла стояли так, словно присутствовали на затянувшемся совещании и старались не встречаться взглядами.

— Эта комната не знает, куда смотреть, — сказала Руби.

Клэр моргнула.

— Простите?

Руби указала на мебель.

— Диван смотрит на камин, кресла смотрят куда-то в свою жизнь. Столик слишком маленький, поэтому центр разваливается. Картина дорогая, но совершенно ничья. А это растение работает за всех.

Клэр посмотрела на фикус.

— Он арендованный.

— Я вижу.

Из глубины дома донесся скрежет.

Руби замерла.

Клэр повернула голову.

— Это Грэм.

— Грэм?

— Порядчик. Проверяет заднюю дверь и несколько пунктов после инспекции. Я предупредила, что вы приедете.

Руби не успела ничего спросить.

В широком проеме между гостиной и столовой появился мужчина.

Высокий, широкоплечий, с отверткой в руке.

Не угрожающе. Просто явно знал, зачем она ему нужна.

После вчерашнего вечера это почти освежало.

На нем были темные рабочие брюки, серая футболка, расстегнутая фланелевая рубашка и ботинки, которые действительно использовали по назначению.

Каштановые волосы чуть падали на лоб. На подбородке короткая щетина.

Он посмотрел сначала на Клэр, потом на Руби.

Не задержался на ней слишком долго и не пытался сразу составить мнение.

Просто посмотрел.
— Доброе утро.
Клэр заметно оживилась.
— Грэм Эллис, это Руби Фокс. Она займется хоум-стейджингом.
— Стейджингом, — повторил Грэм.
Тон был не враждебным, скорее практичным.
— Да, — сказала Руби. — Это когда мы делаем так, чтобы дом меньше напоминал место, которое ждет оформления наследства.
Один уголок его рта едва заметно дернулся.
— Буду знать.
Клэр перевела взгляд с одного на другую.
— Грэм занимается реставрацией. Он ведет ремонт еще с тех пор, как дом выставили на продажу.
Руби снова оглядела гостиную.
— И все-таки дом выглядит так, будто задерживает дыхание.
Грэм поднял глаза к потолку.
— Отопление выключено.
Руби повернулась к нему.
Клэр издала звук, подозрительно похожий на смех, замаскированный под кашель.
— Я не буквально.
— Я понял.
— Правда?
— Не сразу.
Говорил он спокойно, почти невозмутимо.
Руби пока не решила, нравится ей это или нет.
Клэр вмешалась:
— Главная проблема в реакции покупателей. Нам нужно, чтобы дом казался... теплее.
— Здесь градусов девять, — сказал Грэм.
Руби посмотрела на него.
— Вы всегда такой?
— Обычно по утрам еще хуже.
На этот раз уголок рта точно дрогнул.
Клэр взглянула на телефон.
— Через десять минут у меня звонок. Руби, сможете пройти весь дом и прислать мне рекомендации? Грэм, закончите с задней дверью и еще раз посмотрите окно в передней спальне наверху?
— Конечно.
Клэр повернулась к Руби:
— Бюджет гибкий в разумных пределах. Сроки нет. В следующие выходные снова день открытых дверей.
— Сделаю быстро.
— Прекрасно. Если Грэм уйдет раньше, просто закройте дом.
Клэр уже почти дошла до входной двери.
Риелторы вообще редко покидали помещение обычным способом. Скорее испарялись в направлении следующей комиссии.
У самой двери она остановилась.
— И еще кое-что.
Руби обернулась.
Выражение лица Клэр стало осторожнее.

— Предыдущие владельцы оставили коробку в шкафу наверху. Мы сначала подумали, что там личные документы, но в основном это старые фотографии. Семья говорит, что они не их. Я пока не успела разобраться.

Руби посмотрела на лестницу.

— Старые фотографии?

— Да. Скорее всего, ничего особенного.

Сказала она это слишком быстро.

— Если будут мешать, просто отложите коробку.

Руби никогда не любила выражение «скорее всего, ничего особенного».

После него обычно и начиналось что-нибудь особенное.

Клэр ушла.

Входная дверь закрылась с негромким щелчком.

На несколько секунд в доме стало очень тихо.

Только дождь стучал по окнам, а где-то в глубине Грэм занимался дверью.

Руби достала блокнот и написала:

«Гостиная: технически правильная, эмоционально недоступная».

Ниже:

«Слишком бежево. Слишком большое расстояние между мебелью. Нет мягкости. Нет истории».

Из дверного проема раздался голос:

— Вы всегда оскорбляете дома письменно?

Руби почти не подпрыгнула.

Она повернулась.

— Я его не оскорбляю.

— Вы назвали его эмоционально недоступным.

— Потому что так и есть.

— Есть крыша, водопровод, оригинальная отделка и отопление, когда его включают.

— Поздравляю. Вы описали дом, с которым согласился бы встречаться банк.

Грэм прислонился плечом к косяку. Отвертку все еще держал в руке.

Он не усмехнулся, хотя во взгляде что-то изменилось.

— И что он должен сделать? — спросил Грэм.

— Кто?

— Дом. Чтобы стать эмоционально доступным.

Руби присмотрелась к нему.

Она все еще не понимала, издевается он или действительно спрашивает.

— Приглашать войти. Не физически, с этим дверь справляется. Нужно, чтобы человеку захотелось остаться. Сейчас здесь дорого, но садиться не хочется. Глаз ни за что не цепляется. Ничего не помогает представить, что ты здесь живешь.

Грэм оглядел комнату.

Действительно оглядел, а не просто дождался своей очереди говорить.

— Диван неправильный.

Руби моргнула.

— Да.

— Слишком низкий для камина.

— Да.

— Кресла мешают проходу.

— Да.

— Ковер маленький.

Руби прищурилась.

— Вы тайно работаете дизайнером?

— Нет.

— Хорошо. Не люблю конкуренцию до обеда.

На этот раз он почти улыбнулся.

— Что вам от меня нужно?

Вопрос оказался настолько прямым, что Руби не сразу ответила.

— Сначала хочу посмотреть весь дом.

— Задняя дверь заедает. Окно в передней спальне наверху не держится открытым. В столовой возле встроенного шкафа просел пол.

— Что-нибудь еще?

Грэм помедлил.

Руби заметила.

— Что?

Он посмотрел в сторону лестницы.

— Шкаф наверху.

— С фотографиями?

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Лучше сами посмотрите.

Он развернулся и ушел обратно на кухню.

Руби проводила его взглядом.

Никакой загадочной паузы, рассчитанной на эффект. Просто вспомнил о чем-то неприятном и пошел дальше работать.

Она записала:

«Подрядчик: раздражает. Возможно, полезен».

Подумала и добавила:

«Не изображает глубину. Подозрительно».

Потом перешла в столовую.

Здесь ощущение менялось.

Комната была темнее гостиной: встроенные шкафы, деревянные панели на стенах, длинное окно с видом во двор.

Посередине стоял арендованный стол с шестью стульями, расставленными с такой идеальной симметрией, будто семью заказали через интернет, но доставка задерживалась.

Руби остановилась на пороге.

Гостиная казалась мертвой.

Здесь было иначе.

Будто комната чего-то ждала.

Она медленно обошла стол.

Проседание пола оказалось именно там, где сказал Грэм. Под правым ботинком чувствовался небольшой уклон возле встроенного шкафа.

Для столетнего дома ничего удивительного.

Руби коснулась спинки стула.

Дерево было холодным.

На столе стояла керамическая миска с артишоками.

Красиво и совершенно бесполезно.

Никто не смотрит на артишоки и не думает: «Вот здесь мой ребенок будет рассказывать, что сегодня произошло в школе».

Но Руби могла заставить покупателя это представить.

Воскресные блины. Рюкзак, брошенный возле лестницы. Чей-то голос из кухни: «Иди сюда, садись».

Иногда достаточно было пледа на спинке кресла или раскрытой книги, чтобы пустая комната перестала казаться пустой.

Руби сфотографировала столовую и записала:

«Нужна жизнь. Не званый ужин. Обычная жизнь».

Из кухни донесся грохот.

— Все нормально? — крикнула она.

— Дверь драматизирует, — отозвался Грэм.

— Хоть что-то в этом доме.

Ответа не было.

Через секунду:

— Я слышал.

Руби улыбнулась.

Кухня была красивой тем особым способом, каким становятся красивые кухни после ремонта специально перед продажей.

Белые шкафы, столешницы из мыльного камня, латунные ручки, подвесные светильники.

Безупречно чисто.

Настолько, что трудно было поверить, будто здесь когда-нибудь готовили тосты в плохом настроении.

Руби предпочитала кухни, в которых оставались следы людей.

Разделочная доска. Открытая поваренная книга с пятном на странице. Нормальная миска с апельсинами, а не фрукты, выглядящие так, будто их наняли на день.

Грэм сидел на корточках возле задней двери и подтягивал петлю.

Руби на секунду задержала взгляд на его предплечьях.

Потом вспомнила, зачем пришла.

— Кухня слишком чистая.

Он поднял глаза.

— Теперь и это проблема?

— Для продажи да.

— Люди любят чистые кухни.

— Люди хотят представить, что в новом доме станут чуть лучше. Будут сами варить суп и покупать свежую зелень. Но кухня должна быть достаточно уютной, чтобы они простили себя, когда через два дня закажут тайскую еду.

Грэм посмотрел на нее.

— Вы часто думаете о супе?

— Только на духовном уровне.

Он снова занялся дверью.

Руби подошла к окну.

Задний двор был узким, но симпатичным. Мокрая трава, голые кусты гортензии, кедровый забор и каменная купальня для птиц, наполненная дождевой водой.

В соседнем доме горело окно кухни.

Кто-то поднял маленького ребенка на столешницу. Ребенок захлопал в ладоши, взрослый засмеялся.

Всего несколько секунд.

Но в том доме прямо сейчас кто-то жил.

Без постановки, правильной мебели и мысли о продаже.

Руби отвернулась.

Грэм поднялся.

— Теперь должно работать.
Он открыл дверь.
Плавно.
Потом закрыл.
Замок щелкнул четко и уверенно.
Руби посмотрела на дверь.
— Что? — спросил он.
— Ничего.
— Вы выглядели впечатленной.
— Я выглядела профессионально нейтральной.
— Вы выглядели так, будто при вас еще никто не чинил дверь.
— Мужчины и раньше чинили двери в моем присутствии.
— В вашем присутствии?
— Иногда эмоционально очень далеко.
Грэм задумался.
— Звучит неэффективно.
Руби рассмеялась.
По-настоящему, не из вежливости.
Грэм посмотрел на нее, и на короткую секунду кухня стала уютнее.
Будто в комнате наконец включили нужный свет.
Руби опустила глаза в блокнот.
— Наверх?
Грэм кивнул в сторону коридора.
— После вас.
Ступени скрипели под ее ботинками почти музыкально: один низкий звук, два повыше, потом длинный недовольный стон у площадки.
За это Руби и любила старые дома.
Они никогда не позволяли пройти по себе совершенно незаметно.
Наверху было холоднее.
На середине коридора снова появилось то странное ощущение.
На этот раз сильнее.
Руби провела большим пальцем по краю блокнота.
Грэм поднялся следом и остановился в нескольких шагах.
— Что в шкафу? — спросила она.
— Фотографии.
— Вы смотрели?
— Несколько.
— И?
Он не ответил сразу.
Руби обернулась.
Что-то в его лице стало серьезнее.
— Они не совпадают с домом.
— В каком смысле?
Грэм подошел к шкафу и открыл дверь.
Внутри лежали сложенные простыни, насадка от пылесоса, пустая корзина и картонная коробка.
Самая обычная коробка.
Никакого старинного замка или зловещих знаков. Просто коричневый картон, один угол немного размок.

Руби присела.
Сверху лежала стопка старых фотографий, перевязанная выцветшей голубой лентой.
Тонкой, почти серой по краям.
Когда-то такими перевязывали подарки или волосы.
Руби осторожно коснулась ленты.
Коридор вдруг показался теснее.
Она развязала узел.
На первой фотографии маленькая девочка стояла летом на крыльце этого дома.
На ней был комбинезон, в руке таяло фруктовое мороженое. Темные волосы подстрижены ровным каре. Лет семь.
Красная дверь позади открыта.
На запястье повязана голубая лента.
Руби взяла следующую фотографию.
Та же девочка, уже старше. Лет одиннадцать. Сидит на лестнице с книгой на коленях и смотрит вверх, словно кто-то позвал ее по имени.
Голубая лента вплетена в косу.
Следующая.
Столовая.
Праздничный торт. Бумажные колпаки.
Девочка сидит за столом и улыбается, не размыкая губ.
Лентой перевязана ручка ножа для торта.
Руби нахмурилась.
Еще одна фотография.
Задний двор. Дождь.
Девочка стоит возле купальни для птиц, подняв руку. Движение смазано.
Ленты не видно.
Руби уже собиралась положить фотографию обратно, когда заметила полоску голубой ткани, зацепившуюся за голую ветку гортензии позади девочки.
В груди неприятно сжалось.
— Старые.
— Думаю, восьмидесятые, — сказал Грэм.
— Клэр сказала, нынешняя семья не знает, откуда они взялись?
— Так она сказала.
Руби снова посмотрела на первую фотографию.
Маленькая девочка на крыльце смотрела прямо в объектив.
Нельзя было сказать, что она несчастна.
Но счастливой она тоже не выглядела.
Как будто ждала чего-то.
— Почему фотографии остались здесь?
— Люди оставляют вещи.
Руби подняла на него глаза.
Грэм пожал плечами, но без обычного равнодушия этой фразы.
— Старые дома собирают чужие жизни.
Он произнес это тихо.
Руби посмотрела на него внимательнее.
На секунду выражение его лица изменилось, словно он вспомнил что-то свое.
Потом все исчезло.
— Это сейчас было опасно близко к поэзии.
— Постараюсь больше так не делать.

— Пожалуйста. У меня и без того сложные отношения с этой лестницей.
Грэм снова перевел взгляд на фотографии.
Он ничего не комментировал и не пытался произвести впечатление.
Просто смотрел.
Руби вернулась к коробке.
Под снимками комнат, дней рождения и обычной семейной жизни лежала еще одна фотография.
Руби остановилась.
Та же девочка.
Теперь ей лет пятнадцать или шестнадцать.
Она стояла в коридоре наверху.
Именно там, где сейчас была Руби.
На ней голубое платье, слишком нарядное для обычного дня. Волосы собраны.
Лицо повернуто в сторону закрытой двери спальни в конце коридора.
Фотография слегка смазана, словно ее сделали наспех.
На дверной ручке позади девочки завязана голубая лента.
Руби перевернула снимок.
На обороте выцветшими синими чернилами было написано:
«Джун. До того, как все изменилось».
По рукам пробежал холодок.
Дело было не в призраках.
В этих четырех словах было слишком много смысла для подписи на семейной фотографии.
Грэм заметил ее лицо.
— Что?
Руби протянула ему снимок.
Он прочитал надпись и чуть сжал челюсть.
— Этой среди тех, что я смотрел, не было.
Руби посмотрела в конец коридора.
На закрытую дверь спальни.
Дом молчал.
А потом внизу что-то открылось и захлопнулось.
Они оба замерли.
Сердце Руби ударило сильнее.
Грэм среагировал сразу. Обошел ее, подошел к лестнице и посмотрел вниз.
Руби медленно поднялась.
— Клэр? — позвала она.
Никто не ответил.
По окнам стучал дождь.
Грэм прислушался и начал спускаться.
Руби пошла следом.
Видимо, любопытство все-таки было сильнее инстинкта самосохранения.
Впрочем, этим можно было объяснить значительную часть ее истории знакомств.
В прихожей никого.
Гостиная пустая.
Столовая тоже.
Они вошли в кухню.
Задняя дверь стояла настежь.
По полу тянуло холодом.

Грэм остановился.
— Я ее починил.
Руби посмотрела на него.
В его лице больше не было и намека на улыбку.
Он подошел к двери, проверил петлю, потом замок.
Закрыл.
Щелчок прозвучал четко.
Грэм потянул ручку.
Дверь осталась закрытой.
Попробовал еще раз.
Все работало.
Он долго смотрел на защелку.
— Ну? — спросила Руби.
Грэм снова дернул дверь.
— Она не должна была открыться.
Руби посмотрела в коридор.
Потом на лестницу.
Потом на старую фотографию в руке Грэма.
Девочка в голубом платье застыла в коридоре несколько десятилетий назад, повернувшись к тому, чего на снимке не было видно.
За ее спиной на дверной ручке висела голубая лента.
Руби сглотнула.
Дом не казался ей населенным призраками.
Страшнее было другое.
Здесь что-то так и не закончилось.

Глава 3. Он принес кристаллы

Руби не сразу рассказала Маре про голубую ленту.

Это была не скрытность. Скорее разумное распределение ресурсов. У Мары существовал определенный дневной лимит на эмоциональные отношения Руби с архитектурой, и значительную его часть Руби уже потратила сообщением:

«Новости из дома: нашлась коробка старых фотографий и одна дверь с серьезными проблемами с личными границами».

Мара ответила:

«Я умоляю тебя начать встречаться с живым мужчиной».

К несчастью, живой мужчина у Руби уже был запланирован на вечер.

Его звали Атлас.

Этого должно было хватить.

Теперь, с высоты четырех часов дополнительного жизненного опыта, Руби это понимала. Мужчина, который называет себя Атласом в приложении для знакомств, скорее всего, не мужчина, а концепция со скулами.

Но три дня назад она была настроена оптимистично. Именно тем опасным образом, который возникает после бокала вина и слов подруги: «Попробуй хоть раз кого-нибудь не в своем вкусе».

Атлас определенно был не в ее вкусе.

На фотографиях он появлялся в льняной одежде возле водопадов, держал кружку обеими руками и однажды по непонятной причине стоял босиком посреди лавандового поля.

В анкете значилось:

«Специалист по телесным практикам. Провожу дыхательные занятия. Учусь жить в настоящем моменте. Ищу глубину, мягкость и женщину, которая не боится быть собой».

Мара, увидев снимок анкеты, написала:

«Его надо арестовать до того, как он употребит слово “матка”».

Руби попыталась его защитить.

Не слишком убедительно, но все же.

«Может, он просто эмоционально развитый».

Мара ответила:

«Может, у него еще и барабан есть».

Теперь Руби стояла возле чайной на юго-востоке Портленда под небом цвета мокрой газеты и начинала подозревать, что Мара могла оказаться права по обоим пунктам.

Заведение называлось «Лунная чашка».

Разумеется.

Оно находилось между магазином винтажной одежды и лавкой, где продавали свечи ручной работы, названные в честь эмоциональных состояний.

На тротуаре стояла меловая доска:

«Травяные эликсиры. Напитки для нервной системы. Сезонный чай от горя».

Руби остановилась под навесом.

— Сезонное горе, — пробормотала она. — Наконец-то его включили в меню.

Телефон завибрировал.

Мара.

«Где ты?»

«В “Лунной чашке”».

Три точки появились почти сразу.

«Ты издеваешься?»

«Там чай».

«В Бостоне тоже когда-то все началось с чая. Ничем хорошим не кончилось».

Руби улыбнулась, убрала телефон в карман и заглянула через окно.

Внутри было тепло и полутемно. Повсюду растения, низкие столики, разномастные подушки. Пахло корицей, мокрой шерстью, благовониями и овсяным молоком. Где-то в глубине журчал крошечный фонтан.

И, что самое неприятное, Руби здесь понравилось.

Она любила такие места. Теплый свет, керамические кружки ручной работы, мягкие кресла. Ей нравилась сама мысль, что не все на свете обязано объясняться рыночной статистикой и плохо установленными дверными петлями.

Особенно сегодня.

После фотографий Джун. Голубой ленты на дверной ручке. Задней двери, которая открылась после того, как Грэм ее починил.

Руби вдруг захотелось поговорить с человеком, которому можно сказать: «Сегодня мне показалось, что один дом чего-то не договорил», — и не увидеть, как тот мысленно ищет ближайший выход.

Наверное, поэтому она все-таки вошла.

Не совсем из-за Атласа.

Он уже ждал ее.

Конечно, за столиком в углу, окруженном максимальным количеством растений.

Увидев Руби, Атлас медленно поднялся с подушки.

Высокий, худощавый. Темно-русые волосы собраны в небольшой пучок на затылке. Несколько серебряных колец. Свободная кремовая рубашка, дорогая ровно настолько, чтобы делать вид, будто деньги совершенно ни при чем.

Он улыбнулся.

Очень мягко.

На этот раз тело Руби не сказала «нет».

Скорее: «Посмотрим».

Атлас слегка развел руки, предлагая объятие, но не настаивая.

— Руби.

— Атлас.

— Вообще-то при рождении меня называли Мэттью, — сказал он. — Атласом я стал, когда перестал нести то, что мне не принадлежит.

Руби не знала, что делать с лицом.

— Практично.

Он улыбнулся еще шире.

— Садись.

Руби села.

Между ними стоял низкий столик с восковой свечой, двумя керамическими чашками и гладким черным камнем, который выглядел третьим участником свидания.

Руби посмотрела на него.

Атлас заметил.

— Обсидиан.

— Разумеется.

— Помогает заземлиться.

— Получается?

— Зависит от того, позволяешь ли ты ему.

Приходилось признать: пока Атлас выигрывал у Брендана.

Брендан уже успел бы оценить камень и спросить, местного ли производства свеча.

Подошла официантка в льняном фартуке и положила перед ними меню на плотной переработанной бумаге.

— Сегодняшний вечерний настой: крапива, роза, тулси и голубой лотос. Хорош для переходных периодов.

Руби едва удержалась от улыбки.

— Каких именно переходных?

Официантка невозмутимо ответила:

— Тех, которые сами вас находят.

— Два, — сказал Атлас.

Руби повернулась к нему.

Он улыбнулся.

— Если тебе это подходит.

Вот здесь ей следовало сказать: «Вообще-то я могу сама выбрать себе чай».

Но она устала, а крапива с розой и голубым лотосом казались гораздо безопаснее очередного мужчины, обсуждающего с официанткой кислотность вина.

— Нормально.

Слово вылетело автоматически.

Руби сама это заметила.

Атлас слегка наклонил голову.

— Нет.

Она моргнула.

— Что?

— Ты сказала «нормально», но напряглась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.